

Пиво

Натертые новыми туфлями ноги отчаянно гудели. Я блаженно скинул с плеча черную сумку-портфель и, вдохнув замечательный теплый воздух, растянулся на пластиковом стуле. Весна 1996-го года в Брюсселе наступила рано, и в апреле погода стояла вполне летняя, в отличие от холодной, слякотной Москвы. Маленький уютный сквер прогревался насквозь, и местная публика блаженствовала на солнце почти в летних нарядах. Я расстегнул пестрый немецкий пиджак и огляделся. Между тонкими уличными столиками изящно прогуливался молодой человек в затянутых рокерских брюках и покрашенном лицом, однако, в условиях бельгийской столицы язык не поворачивался назвать его хуже, чем «гарсон». Небрежно собрав заказы, юноша направился к моему столику, и я приготовился к несомненно незабываемому диалогу...

Брюссель, 1996 год. Фото автора.

...Моя жизнь заметно изменилась к лучшему. В 1995 году удачно влившись в пестрый коллектив главного московского офиса DHL International, сам того не предполагая, я оказался в нужное время и в нужном месте. Ровно через полгода мне сообщили приятную весть, что мне присвоено гордое звание менеджера по логистике, для получения которой, я, признаться, ничего не делал. Внутри компании происходили структурные изменения, на волне которых, мне, перспективному русскому «специалисту по таможене», решено было дать зеленый свет. Решение было принято в Лондоне, «теновом» кабинете нашей

международной фирмы, откуда прибывали в Москву наши директора. Брюссель – официальная штаб-квартира DHL, ничего не имела против, и все решения принимались в достаточно тесном кругу директоров-англичан.

Новое звание имело массу преимуществ, и, не говоря о об отдельном угле в офисе, свободе перемещения и новой «девятке» с желтыми номерами, должность была выездной. Я автоматически вошел в клуб национальных логистик-менеджеров, которые регулярно, два раза в год, собирались на съезды-форумы в лучших столицах Европы. Остальные выезды менеджеров за границу осуществлялись по мере необходимости, в зависимости от ситуации с европейскими глобальными клиентами DHL. В середине 1990-х, как, впрочем, и сейчас, Россия отличалась массовым потреблением, большинство логистических проектов были направлены на экспорт в РФ, и мои многочисленные поездки в Европу в основном ограничивались выездной презентацией на тему: «Русская таможня, и как с ней бороться». Надо признаться, что я не изменил себе, и мои лекции имели строгую цель не навредить неприкосновенности российских границ. Я всячески доказывал упрямой западной публике, что дикая, снежная Россия груба и нецивилизована, и что возить туда товары крупных клиентов надо с большой осторожностью. Как бы там ни было, я, не сговариваясь, воплощал некую генеральную линию Лондона, где было решено придержать массовый экспорт на уровне сложных, многоуровневых поставок глобальных клиентов как, например, Nokia или Microsoft.

Брюссель, 1996 год. Фото автора.

... Гарсон в черных шнурованных ботинках, виляя бедрами, подплыл к столику и что-то промурлыкал по-французски. Я сделал корректную паузу, дабы не заставлять юношу переспрашивать три раза, и отчетливо по-английски спросил: *“Do you have beer?”*

Вопрос был далеко не праздный: как я заметил к своему удивлению, местная публика за столиками поголовно употребляла вино, и мне, абсолютно не разбиравшемуся в винах, оставалось надеяться, что в маленькой уличной будке-кафе у «зашнурованных» ребят было доброе европейское пиво. Гарсон выпучил накрашенные глаза, как будто я потребовал русских щей посреди Брюсселя, и после неприлично долгой паузы по-английски с сильным акцентом поинтересовался какое мне угодно пиво. Я понял, что переходить на незнакомые пивные марки было тупиком, и так же отчетливо произнес: *“Dark beer! Dunkel! Bock!”*

Я выдал все, что знал по-немецки на всякий случай, но моя пламенная смесь языков привела парня в ступор. Рокер-гей молча таращился на меня, как в приступе тяжелой наркотической ломки, и я уже стал терять всякую надежду попробовать знаменитое бельгийское пиво. Наконец, парень пришел в себя, пробурчал что-то, и, по-женски виляя задом, удалился к будке. Из окошечка торговой точки высунулась лохматая голова напарника, явно, для короткого «военного совета», они издали оценивающе посмотрели на меня, лохматая голова кивнула, и гарсон, все так же виляя, направился ко мне, неся на маленьком подносе пузатую бутылочку с широким винным бокалом...

Сказочное путешествие началось рано утром, когда я лихо прикатил в Шереметьево-2 на новой белой «девятке». Впервые в жизни, абсолютно не интересуясь ценой, я поставил машину на платную, самую дорогую, стоянку перед входом в аэровокзал и по привычке поболтал с веселыми мужиками в охранной будке. Охранники в бушлатах вежливо поулыбались, пожелали счастливого пути, но спиной я почувствовал, что меня от души послали куда подальше. Неожиданно я понял, что мой обычный контакт с родным пролетариатом дал сбой, ибо все имело свой предел доверия. Барин, небрежно бросивший бесплатную машину на удобную стоянку перед вылетом за границу, другом простого российского труженика, вероятно, быть не может.

Озадаченный этим открытием, я вошел в здание аэровокзала и, налегке, с одной сумкой-портфелем направился к стойке немецкой компании Lufthansa. На утренний рейс публика собралась в основном деловая: мешочников, пассажиров с детьми и откровенных туристов было совсем немного. Молодые, хорошо одетые мужчины с портфелями и сумками быстро проходили на таможенный контроль Ш-2, не обременяя симпатичных девушек неподъемными узлами.

В моем кармане, на всякий случай, лежало письмо фирмы, но задержки не последовало, и через пару минут раздался знакомый металлический щелчок, когда я прошел в таможенную зону Шереметьево-2. Ситуация повторялось, было приятное ощущение свободы, но того радостно-прыгающего в груди восторга, от которого хотелось кричать, как это было в 1993-м году при моем первом выезде в ФРГ, уже не было. Была спокойная уверенность и готовность ощутить новые

прелести европейского бизнес-тура, только уже свободно, без сопровождающих меня лиц...

Боинг-737 “Lufthansa”. По материалам Интернета.

Белоснежный Боинг немецкой компании был не просто белым, он казался в два с половиной раза белее всех надежных самолетов «Аэрофлота» вместе взятых. Сервис на борту, вероятнее всего, можно было назвать вежливой предупредительностью, чем радушным хлебосольством, но до сих пор, самолеты с серо-желтым фирменным оформлением и художавыми немками-стюардессами я считаю самыми лучшими в мире. И когда капитан обратился к пассажирам по-немецки, то я понял, что мое настоящее путешествие уже началось. Впервые я почувствовал настоящую свободу, привлекательную и пугающую, которую можно почувствовать только когда ты путешествуешь один, без друзей и сопровождающих.

Бельгийское пиво. По материалам Интернета.

... Вкус незнакомого пива был неожиданный, густой, винный и очень «бельгийский». Публика не обращала на меня никакого внимания, и я принялся смаковать темно-желтую жидкость. Первая бутылка, как первая кружка пива, проходит быстро, и только на третьей я остановился, пытаюсь прикинуть уставшими мозгами цену уличного сервиса в переводе с бесконечных бельгийских франков. Как я ни крутил, цена получалась дороговатая, но я не обращал внимания, т.к. мой бумажник был туго набит наменянной в аэропорту валютой. С каждым разом гарсон делался все дружелюбнее, ласково улыбался, всматриваясь мне в лицо, и его проколотые части тела уже не вызывали такого отвращения. Парень вежливо поинтересовался откуда я такой приехал и сочувственно закивал, поставив передо мной очередную пузатую бутылочку.

С выбором у нас пошло хорошо, когда после второго захода, парень принес длинный список ассортимента своей маленькой будки. Мы решили, что я пойду по списку, насколько получится, и постораяюсь попробовать все. Явно я не рассчитал свои силы, упустив из вида крепость бельгийской продукции, когда иное пиво было крепче вина...

Бельгийское пиво. По материалам Интернета.

Мне стало хорошо. Я почувствовал себя почти дома посреди прозрачного брюссельского парка, и ощущение отчужденности, которое я почувствовал еще в Франкфурте, стало постепенно исчезать. Германия, знакомая и комфортная, находилась от Москвы на расстоянии одного «шага», одного перелета, одних суток на поезде – одного осязаемого пространства. Пересев на похожий Боинг в Франкфурте, я неожиданно почувствовал расстояние. Москва была уже далеко, до нее нельзя было долететь сразу, и брюссельский аэропорт, более скромный по сравнению с немецким огромным центром, показался далекой границей.

Брюссель, 1996 год. Фото автора.

Я понял, что мне пора заканчивать неожиданно затянувшуюся дегустацию местных сортов, сгреб в карман принесенную сдачу и почти по-дружески распрашался с гарсоном, который быстро захлопнул дверцы будки, подхватил кожаную сумку и укатил на тандеме со своим волосатым напарником.

Надо было возвращаться в гостиницу – огромный стеклянный «кирпич» «Хилтона», где для нас, менеджеров разных стран и народов были заказаны комнаты. Как я потом узнал, небогатые офисы, как, например, в Румынии, тихо просили организаторов форума забронировать своему гостю гостиницу подешевле, в районе аэропорта. В нашем главном офисе СНГ, как именовался московский офис DHL, ограничений не было, но я был даже готов платить свои собственные сбережения, лишь бы соответствовать высокому статусу. Гостиница «Хилтон», как это часто бывает с помпезными сооружениями 70-х, торчала на севере центрального района Брюсселя абсолютно не к месту, но с наступлением сумерек я оценил высотное сооружение. Освещенный стеклянный куб был виден отовсюду, и потеряться в старинных улочках города было просто невозможно.

Гостиница «Хилтон» в Брюсселе. По материалам Интернета.

Я неожиданно почувствовал зверский голод, что было совсем не удивительно. Стараясь держать достойное равновесие, что оказалось совсем не просто, (проклятые монахи, намешали самогону в пиво!), я двинул в сторону центра в поисках съестного. Уличные угловые кафешки в стиле *a-la Paris* вряд ли были подходящим местом для припозднившегося туриста, в которых, как я полагал, языковой барьер станет моим единственным блюдом. Нормальных ресторанов видно не было, и я направился в освещенное заведение типа Макдональдса, под громким названием – какой-то там *Burger*.

Внутри было людно, слышалась французская речь, кто-то привычно толпился возле касс, над головой светились цветные картинки местных *биг-маков* с непереводаемым названием и еще более мутной ценой в бельгийских франках. Я дождался своей очереди и сообщил, как мог, свой выбор молодой круглолицей негритянке в яркой оранжевой форме. Девчонка не прореагировала и продолжала с

готовностью тарашиться на меня, как на инопланетянина. С английским у нее было никак, так же, как у меня с французским, и я мысленно представил себя в местном кафе... За спиной произошло движение, я обернулся, и увидел двух здоровых негров в кожаных куртках, нетерпеливо топтавшихся за мной. Посмотрев на меня сверху, парень басом сказал что-то девчонке за кассой, та пролепетала в ответ, но когда я повернулся к ней – она широко улыбнулась белыми зубами и широким жестом показала на картинку над головой, пропев что-то, типа «*сильву пле*». Я извинился за задержку, парни удовлетворенно хмыкнули, и прыгнули к соседней, освободившейся кассе. Мне неожиданно стало весело, и мы стали выбирать. Я тыкал пальцем в картинку, девчонка улыбалась и тоном терпеливой учительницы громко называла блюдо по-французски. Наконец стандартный набор макдональдса был заказан, я расплатился, схватил вспотевшими руками поднос и повернулся в сторону зала.

Я невольно застыл с подносом в руках и сумкой через плечо в центре немой сцены. Зал был полон, и со всех сторон, замолкнув, с нескрываемым интересом на меня смотрели посетители, которые, вероятно, наслаждались нашим диалогом с кассиршей. Все до одного, без всякого исключения, посетители брюссельского ресторана быстрого питания были выходцами из знойной Африки, то есть совершенно черными неграми самого разного возраста. Сосредоточившись на кассе, я не заметил, что зал был наполнен людьми, которые, вероятнее всего, проводили там время, как в клубе: еды на их столах не было, и они просто наслаждались своей компанией. Зашедший перекусить белый человек, наверно,

был редкостью, а подгулявший иностранец выглядел пришельцем из космоса. Я почувствовал себя в центре Гарлема с непонятными последствиями, как неожиданно толпа потеряла ко мне всякий интерес, люди вернулись к своим разговорам, дети запищали, и касса продолжала пробивать чеки. Я уселся в угол зала и с облегчением почувствовал, что интерес толпы ко мне окончательно пропал.

«Ну, блин!», подумал я, засовывая в рот горячую картошку фри...

Вид из гостиницы «Хилтон», Брюссель. По материалам Интернета.

...Улыбающаяся кассирша-негритянка вспомнилась мне на следующее утро, когда я завтракал в роскошном ресторане «Хилтона» с видом на утренний город, и за который мне пришлось выложить 25 американских долларов, ибо в хороших гостиницах стоимость завтрака в цену комнаты не включена.

«Ну, блин!», снова подумал я, совершенно не предполагая, что солидные жующие господа за соседними столиками ресторана были моими коллегами, менеджерами по логистике DHL, с которыми мне предстояло познакомиться очень скоро.